

Г.А. Орынханова*Казахский национальный женский педагогический университет
Алматы, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0003-1864-1802>*email: gibadat_o@mail.ru***Г.К. Манапова***Казахский национальный женский педагогический университет
Алматы, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0009-0001-9587-6229>*email: daffodil57@mail.ru***К.А. Ашинова***Международный университет Астана
Астана, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0001-6938-2092>*email: kunipa_ashinova@aiu.edu.kz*

**ВЕЩЬ КАК НАРРАТОР: ПРЕДМЕТНЫЙ МИР
В РОЛИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНСТАНЦИИ В РОМАНЕ
К. БАЙЖАРАСОВОЙ «В ОЖИДАНИИ КАЙРОСА»**

Аннотация. Роман Кемен Байжарасовой «В ожидании Кайроса» представляет особый случай нарративной архитектуры, в котором «ненадёжность» рассказчика обусловлена не моральными или когнитивными ограничениями, а клиническим расщеплением сознания главной героини. Диссоциативная fuga порождает два автономных нарративных потока – дневник врача-психиатра Индиры и блог субличности @Asya_Tesey, при этом каждый обладает лишь частичным доступом к реальности, однако оба голоса остаются внутренне связными и убедительными. В условиях тотальной «ненадёжности» обоих человеческих нарраторов функцию единственного эпистемологически «надёжного» свидетеля выполняет предметный мир. Исследование вводит понятие «клинически мотивированной ненадёжности» как нового типа, не охватываемого существующими риторическими и когнитивными классификациями. Предлагается концепт фокализации через объект – особый нарративный режим, при котором вещь выступает пассивным, но привилегированным регистратором событий. В отличие от традиционной фокализации, объект не

воспринимает и не интерпретирует, а механически фиксирует материальные следы, принадлежащие одновременно обоим нарративным потокам и накапливающие значение диахронически. Анализ ключевых материальных образов показывает, как предметы синхронизируют разорванные реальности и становятся носителями истины, недоступной нарраторам. Клиническая логика соматической памяти определяет поэтику романа: прорыв амнезии происходит через тактильный контакт с объектом, а не через вербальную реконструкцию события. Таким образом, роман трансформирует диссоциацию в структурный принцип повествования, а материальный мир – в нарратологическую инстанцию, альтернативную человеческому голосу, расширяя тем самым инструментарий нарратологии и изучения травмы (trauma studies) для анализа текстов с системной «ненадёжностью» рассказчика.

Ключевые слова: ненадёжный нарратор; клинически мотивированная ненадёжность; фокализация через объект; диссоциативная fuga; литература травмы

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 10.06.2026

Дата принятия: 13.08.2026

Введение

Вопрос о носителе истины в нарративе с «ненадёжным» нарратором традиционно решается в пределах субъектности человека. Нарратор может лгать, заблуждаться или психологически защищаться – истину реконструирует имплицитный автор или читатель (Booth, 1961; Nünning, 1999; Phelan, 2005). Роман Кемен Байжарасовой «В ожидании Кайроса» (2025) существенно усложняет эту схему. Диссоциативная fuga главной героини порождает два автономных нарративных потока – дневник врача-психиатра Индиры и блог субличности @Asya_Tesey. В условиях тотальной клинически обусловленной ненадёжности обоих человеческих голосов возникает вопрос: кто или что выступает эпистемологически надёжным свидетелем?

Цель статьи – ввести понятие клинически мотивированной ненадёжности, описать концепт фокализации через объект и показать, как клинический феномен диссоциации трансформируется в структурный принцип поэтики литературы травмы (trauma fiction).

Материалы и методы

Основным материалом исследования служит роман Кеман Байжарасовой «В ожидании Кайроса» (2025). В качестве сравнительного корпуса привлечены интерпретации текстов, в которых расщепление нарраторской инстанции или диссоциация выступают структурообразующим принципом: анализ М. Флюдерник романа Ш. Перкинс Гилман “The Yellow Wallpaper” (Fludernik, 1999) и прочтение романа А. Форны “The Memory of Love” у Беккера и Синнотт-Армстронга (Becker & Sinnott-Armstrong, 2024).

Методологическую основу составляет нарратологический анализ в риторической и когнитивной традициях (Booth, 1961; Phelan, 2005; Nünning, 1997, 1999; Olson, 2003; Liu, 2014). Теория фокализации используется в версии Ж. Женетта (Genette, 1980) с учётом постклассических разработок (Bruhns & Körpe, 2024). Роль нечеловеческих объектов в нарративе рассматривается через призму “теории вещи” (thing theory) (Brown, 2001; Tereszewski, 2024), материалистической нарратологии (Herman, 2013; Bennett, 2010), объектно-ориентированной нарратологии (Ryan & Tang, 2024) и концепции нечеловеческих материальностей (Caracciolo, 2022).

Клиническая рамка опирается на концепцию соматической памяти Ван дер Колка (Van der Kolk, 2014) и современные дискуссии о природе диссоциации (Loewenstein, 2022), включая критерии МКБ-10 (F44.1)¹. Психоаналитическое понятие само-состояний (self-states) используется в интерпретации Беккера и Синнотт-Армстронга (Becker & Sinnott-Armstrong, 2024), опирающейся на работы П. Бромберга. Кроме того, применяется сравнительно-типологический метод, позволяющий выявить особенности нарративного решения Байжарасовой на фоне других примеров литературы травмы.

Результаты и обсуждение

Понятие ненадёжного нарратора было введено У. Бутом как расхождение ценностей или суждений нарратора с нормами имплицитного автора (Booth, 1961, p. 158–159). Дж. Фелан расширил риторическую модель, выделив шесть подтипов, связанных с расхождениями в фактах, оценках и интерпретациях (Phelan, 2005). А. Нюннинг перенёс проблему в когнитивную плоскость, определив ненадёжность через расхождение картины мира нарратора с моделью мира читателя (Nünning, 1999, p. 89–91). Лю Сяо-янь на основе теории разума (theory of mind) выделила пять когнитивных типов в зависимости от способности

¹ Общепринятый в медицинской практике код F44 в Международной классификации болезней (МКБ-10) служит для обозначения группы диссоциативных (конверсионных) расстройств, при которых у индивидуума утрачена корреляция между воспоминаниями, осознанием личности и восприятием окружающего.

к чтению чужих мыслей – от нарраторов с психическими расстройствами до персонажей с когнитивной незрелостью (Liu, 2014).

Однако существующие модели в целом исходят из единой нарраторской инстанции, обладающей теми или иными ограничениями (моральными, когнитивными или ситуативными). Роман К. Байжарасовой «В ожидании Кайроса» (2025) предьявляет иную конфигурацию: два автономных, внутренне связанных и когнитивно компетентных нарратора, структурно лишённых доступа к реальности друг друга вследствие диссоциативной фуги главной героини. Каждый из них полностью компетентен в пределах своей «версии» реальности, но не подозревает о существовании другой.

Олсон различает ситуативно ненадёжного (*fallible narrator*) и диспозиционно ненадёжного (*untrustworthy narrator*) нарратора (2003, p. 103). Оба типа всё равно предполагают единого нарратора. Ни одна из этих категорий не описывает ситуацию Индиры и Аси: они не ошибаются и не лгут сознательно – каждая просто лишена структурного доступа к части общей реальности. Именно эту лакуну заполняет вводимое в настоящей работе понятие клинически мотивированной ненадёжности.

Диссоциативная fuga (МКБ-10: F44.1) – состояние, при котором человек утрачивает доступ к части автобиографической памяти и может конструировать новую идентичность, не осознавая её связи с прежней. В отличие от других диссоциативных расстройств, fuga предполагает создание параллельного, автономного нарративного «я». Это клиническое явление имеет прямые нарратологические последствия.

Наиболее близким прецедентом в литературе о ненадёжном нарраторе и психическом расстройстве остаётся анализ М. Флюдерник (1999) романа Ш. Перкинс Гилман “The Yellow Wallpaper”. Флюдерник показывает, что ненадёжность нарратора с психическим расстройством создаёт особый режим читательской «натурализации»: читатель вынужден реконструировать реальность по косвенным сигналам – жанровым маркерам, интертекстуальным отсылкам и несоответствиям между заявленным и изображённым (Fludernik, 1999, с. 78–82).

В романе Байжарасовой ситуация иная. Оба нарратора формально равноправны: оба ведут повествование от первого лица, оба профессионально компетентны и внутренне убедительны. Особенно сильный эффект доверия производит голос Индиры – психиатра, специалиста по расстройствам памяти и идентичности. Её профессиональная компетентность имитирует позицию надёжного свидетеля. Отсутствие явных языковых маркеров ненадёжности и внешних документальных источников делает случай Байжарасовой

нарратологически более сложным: единственным элементом, потенциально способным выполнять эпистемологическую функцию, остаётся предметный мир.

Актуальные клинические исследования подчёркивают, что диссоциация представляет собой архитектурное разделение доступа к опыту: разные «версии» субъекта обладают собственными наборами воспоминаний и не знают о существовании друг друга (Loewenstein, 2022). Беккер и Синнотт-Армстронг (2024) вводят понятие «само-состояний» (self-states) по Бромбергу – относительно автономных способов быть–мыслить–чувствовать, которые при травме функционируют диссоциативно (Becker & Sinnott-Armstrong, 2024, p. 69).

Эта модель помогает описать нарративную ситуацию романа: для Аси Индира не существует, а для Индиры Ася – лишь пациентка. Беккер и Синнотт-Армстронг также отмечают, что реалистический роман способен изображать диссоциацию как процесс, поддающийся нарративизации и исцелению (Becker & Sinnott-Armstrong, 2024). Роман Байжарасовой вписывается в эту традицию, однако предлагает иной механизм восстановления целостности – не коллаборативный нарратив сообщества, а тактильный контакт с материальным объектом.

Женетт разграничивает нарратора («кто говорит?») и фокализатора («кто видит?»): при нулевой фокализации нарратор знает больше любого персонажа; при внутренней – ограничен перцепцией одного из них; при внешней – ограничен наблюдением за внешним поведением без доступа к внутренним состояниям (Genette, 1980, p. 185–194). Нарратологическая традиция устойчиво предполагает, что фокализатор – всегда человеческая инстанция, наделённая способностью восприятия и интерпретации.

В романе К. Байжарасовой предметный мир выполняет функции, традиционно закреплённые за фокализатором, однако делает это особым образом. Так, физические следы на поверхности вещей – прокол от иглы в ткани куртки, тёмная полоска на месте перешитых пуговиц, запах духов на рукаве – существуют независимо от психического состояния нарратора. Последний может неверно их истолковать, но сами детали фиксируются нейтрально и воспроизводимо.

Для описания этого нарративного режима вводится понятие фокализации через объект. Оно обозначает ситуацию, при которой вещь выступает эпистемологически привилегированным регистратором в условиях системной ненадёжности человеческих нарраторов. Прежде чем развернуть это понятие, важно обозначить его место среди существующих подходов к нечеловеческим объектам в нарратологии.

Материалистическая нарратология (Herman, 2013; Bennett, 2010) описывает нечеловеческих агентов как полноправных участников событий, обладающих «жизненностью» и способностью инициировать действие. Объектно-ориентированная нарратология (Ryan & Tang, 2024) систематизирует нарративные функции объектов, выходя за рамки их символической роли. М. Каракчоло (Caracciolo, 2022) показывает, как нечеловеческие материальности уплотняют нарративное внимание и открывают новые формы читательского опыта. Эти подходы представляют важный теоретический сдвиг, однако они не полностью совпадают с задачами настоящего исследования.

Фокализация через объект – это не тезис об агентности вещей. Вещь не действует, не обладает интенциональностью и не инициирует события. Она регистрирует пассивно и механически, без какой-либо «жизненности». Именно эта принципиальная пассивность делает объект эпистемологически надёжным: он не способен исказить информацию, поскольку не способен её интерпретировать. Таким образом, фокализация через объект – понятие эпистемологическое, а не онтологическое: оно описывает не то, чем вещь является, а то, как она структурирует читательское знание в условиях системной ненадёжности человеческих нарраторов.

Фокализация через объект отличается от стандартной внешней фокализации по трём ключевым параметрам. Первый параметр: объект удостоверяет, а не воспринимает. В отличие от человеческого фокализатора, который неизбежно вносит субъективность через интерпретацию и оценку, вещь регистрирует следы событий без какой-либо интерпретации. Именно поэтому предметное описание становится особым нарративным ресурсом в условиях ненадёжной человеческой памяти.

Второй параметр: объект принадлежит одновременно обоим нарративным потокам. В отличие от человеческого фокализатора, всегда локализованного в одной точке зрения, вещь трансцендирует эту локализацию. Так, фотографии Дины в нарративе Индиры выступают профессиональным инструментом умершей подруги (Байжарасова, 2025, с. 102), а в нарративе Аси – безымянной частью пространства диспансера (Байжарасова, 2025, с. 199). Объект остаётся тождественным себе в обоих потоках и становится точкой синхронизации разорванных реальностей.

Третий параметр: вещь накапливает значение диахронически. При каждом новом появлении объект добавляет слой смысла к предыдущим, не меняясь сам, но меняясь в читательском восприятии. Это приводит к ретроспективному переосмыслению прежних описаний и анагнорису, недоступному нарраторам.

Такой эффект невозможен при стандартной фокализации, где точка зрения движется вместе с сюжетом.

Таким образом, понятие фокализации через объект расширяет нарратологический инструментарий для анализа текстов с системной ненадёжностью человеческих нарраторов.

Двойная нарративная структура романа реализована через жанровое противопоставление. Индира ведёт дневник – жанр, предполагающий последовательность, аналитическую рефлексивность и профессиональную дистанцию. Ася пишет блог – жанр публичный, фрагментарный и ориентированный на сиюминутность. Различие речевых регистров создаёт у читателя первоначальное впечатление, что перед ним истории двух разных людей с несопоставимым культурным и образовательным капиталом. Это впечатление формирует первый уровень нарратологической иллюзии, которую роман последовательно выстраивает и разрушает.

Ася демонстрирует отдельные черты когнитивно ненадёжного нарратора в понимании Нюннинга (Nünning, 1999): она не знает того, что должна была бы знать, и не осознаёт собственного незнания. Однако её нарратив внутренне связан и убедителен; ненадёжность полностью выявляется только при сопоставлении двух потоков.

Ненадёжность Индиры носит иной, более коварный характер. Её повествование детально, профессионально точно и внутренне убедительно. Читатель склонен полностью доверять этому голосу, тем более что Индира сама является психиатром, специалистом по расстройствам памяти и идентичности. Возникает эффект «ловушки надёжности»: чем убедительнее нарратор, тем менее заметны его слепые пятна. Вытесненная катастрофа внутри её нарратива не воспринимается как лакуна – она просто отсутствует. В этот момент предметный мир берёт на себя компенсаторную функцию: вещи становятся маркерами того, что нарратор не в силах назвать.

Анализ текста позволяет выделить три основных механизма нарративной синхронизации через объект, с помощью которых вещи соединяют разорванные нарративные потоки.

Первый тип: идентификация через повторное появление. Один и тот же объект сначала описывается в нарративе Индиры с полным контекстом (историей, эмоциональной нагрузкой и значением), а затем в нарративе Аси появляется как безымянная деталь интерьера. Читатель, удерживающий оба потока, опознаёт объект и устанавливает связь, недоступную ни одному из нарраторов.

Центральный пример – фотографии Дины. В нарративе Индиры они выступают профессиональным инструментом умершей подруги: «Дина носила её, не снимая, чтобы не пропустить какой-нибудь интересный кадр» (Байжарасова, 2025, с. 102). В нарративе Аси (Байжарасова, 2025, с. 199) те же снимки предстают частью привычного пространства диспансера: *Дина нажала на кнопку спуска фотоаппарата в тот миг, когда Эльбрус Саидович съел ладьёй ферзя*. Ася не знает, кто такая Дина, но читатель опознаёт фотографию по характерной детали («ладья съела ферзя»). Таким образом, объект удостоверяет факт: оба нарратора существуют в одном физическом пространстве.

Нарратологически этот тип функционирует как система опознавательных знаков, адресованных исключительно читателю. Повторное появление объекта в чужом потоке служит безмолвным сигналом единства двух миров. Нейтральность описания усиливает эффект достоверности: читатель сам совершает акт опознания.

Этот механизм отличается от традиционного приёма повторяющегося мотива. Если мотив обычно несёт символическую или тематическую нагрузку, то здесь объект выполняет прежде всего доказательную функцию: он не означает, а удостоверяет.

Второй тип: улика против субъекта. Объект сохраняет материальные следы действий нарратора, которые тот не замечает или не признаёт. Центральный пример – куртка Дины.

Первое появление (Байжарасова, 2025, с. 151) дано в регистре бытового раздражения: Дина просит перешить пуговицы перед поездкой на Иссык-Куль, Индира сопротивляется, затем соглашается. Куртка предстаёт просто одеждой.

Второе появление (Байжарасова, 2025, с. 232) уже несёт клинический симптом: *Куртка Дины повисла на ней, как на вешалке*. Индира использует это сравнение, не распознавая его медицинского смысла.

Третье появление (Байжарасова, 2025, с. 234) переводит описание в регистр объективной фиксации: короткие протокольные детали («ещё пахла духами Дины», «еле заметный ряд», «чуть-чуть, буквально на четверть оттенка темнее», «в одном месте... осталось отверстие»). Модальность «осталось» подчёркивает необратимость следа, существующего независимо от субъекта.

Три появления образуют нарративную дугу, которую нарратор не осознаёт, а читатель выстраивает ретроспективно. Отложенный анагнорис становится следствием диахронического накопления значения: вещь «помнит» то, что субъект ещё не пережил как утрату.

Третий тип: объект как ключ к вытесненному событию.

Вещи, присутствовавшие при травматическом событии, вытесняются вместе с памятью и возвращаются первыми при прорыве амнезии. В отличие от предыдущих примеров, здесь объект выступает не постепенной уликой, а непосредственным триггером воспоминания. Браслет с магнитиком на руке Диаса и амулет с перышками перед лобовым стеклом практически не упоминаются до финала. Когда амнезия взламывается через тактильный контакт с колесом (Байжарасова, 2025, с. 288), именно эти два предмета возвращаются первыми: *Снова вспомнилась авария. Ясно и чётко. Вплоть до амулета с перышками, похожего на ловца снов, который болтался перед лобовым стеклом по центру машины, и серебряного браслета с магнитиком на руке Диаса* (Байжарасова, 2025, с. 291). Вещи не инициируют возвращение памяти, но становятся её первым содержанием: не слова и не лица, а именно предметы.

Эпистемологическое превосходство предметного мира над обоими нарраторами носит структурный характер: у вещей отсутствуют защитные механизмы психики. Диссоциация служит способом избежать невыносимого знания, в то время как объект фиксирует следы событий независимо от психического состояния субъекта. В пределах нарративного мира романа физические характеристики вещи (прокол от иглы, тёмная полоска на ткани) не могут быть изменены нарратором, который их описывает.

В классификации Олсона (Olson, 2003) типы *fallible* и *untrustworthy narrator* предполагают, что нарратор обладает доступом к реальности, от которого он по тем или иным причинам отказывается или не может им воспользоваться. Вещи устроены принципиально иначе: у них нет воли к сокрытию и когнитивных ограничений. Они регистрируют механически и беспристрастно, что и делает их привилегированными свидетелями в тексте с тотально ненадёжными нарраторами.

Эта функция отличает предметный мир романа Байжарасовой от традиционного использования символических объектов в прозе. Обычно вещь несёт значение, приписанное ей субъектом. Здесь же вещи несут значение вопреки субъекту. Куртка не символизирует вину Индиры – она физически удостоверяет факт: тёмная полоска в ткани либо есть, либо её нет, независимо от того, признаёт ли это Индира.

В контексте *thing theory* это различие приобретает особую значимость. Браун (Brown, 2001, с. 4) описывает момент, когда вещи «превышают» своё утилитарное или символическое значение и начинают сопротивляться субъекту, обнаруживая собственную непрозрачную материальность. С курткой и браслетом

в романе происходит сходное: они проявляют избыточность по отношению к субъективным проекциям нарраторов. Если у Брауна вещь сопротивляется субъекту через свою избыточность, то у Байжарасовой она сопротивляется диссоциации и именно поэтому оказывается надёжнее человеческих голосов.

Терешевский отмечает, что вещи производят нарративный эффект в момент конфронтации с внешним миром, существующим за пределами человеческих определений (Tereszewski, 2024, с. 425).

Важно, однако, не абсолютизировать эпистемологический статус вещей. Объект лишь регистрирует, а интерпретирует его читатель. Фокализация через объект не отменяет читательскую интерпретацию – она её смещает: интерпретируется не сама деталь (она бесспорна в пределах нарративного мира), а её место в общей системе двух потоков. Именно это смещение создаёт эффект объективности.

Прорывамнезииивфиналереоманапроисходитнечерезпсихотерапевтический разговор, а через тактильный контакт с объектом: *Ко мне, как перекасти-поле, катилось колесо. Я поймала его, ощутив рукой рёбра и канавки протектора* (Байжарасова, 2025, с. 288). Этот выбор глубоко клинически обоснован и напрямую связан с механизмом соматической памяти.

Ван дер Колк показывает, что тяжёлая психологическая травма кодируется на довербальном сенсорном уровне и плохо поддаётся произвольному нарративному восстановлению (Van der Kolk, 2014, p. 21–45). Тело хранит след события в кинестетической, тактильной и обонятельной памяти – в регистрах, которые предшествуют вербализации и часто остаются недоступными для сознательного нарратива. Именно поэтому традиционная разговорная терапия при тяжёлых диссоциативных расстройствах нередко оказывается недостаточной: пациент не в состоянии рассказать то, что его тело уже «помнит».

Роман использует этот клинический механизм как структурный принцип поэтики. Истина здесь хранится не столько в словах нарраторов, сколько в материи вещей и возвращается через физическое, тактильное взаимодействие с объектом. Структура финала воспроизводит клиническую логику соматической памяти: сначала – тактильный контакт с колесом (Байжарасова, 2025, с. 288), затем – сенсорные образы (запах, фактура) и только после них – нарративная реконструкция события. Словесный нарратив следует за телесным опытом, а не предшествует ему.

Таким образом, фокализация через объект приобретает в романе не только нарратологическое, но и феноменологическое измерение. Вещи хранят память в том же довербальном материальном регистре, в каком тело хранит травму. Когда

Индира ловит колесо, она не вспоминает – она осязает. Это осязание открывает то, что два года оставалось закрытым для слов.

В классической схеме Бута (Booth, 1961) читатель реконструирует имплицитного автора как высшую инстанцию истины, с которым он «тайно солидаризируется за спиной нарратора». В романе Байжарасовой эта схема сохраняется, но претерпевает важный сдвиг: привилегированное положение читателя обусловлено неценностной солидарностью, а структурной возможностью одновременно удерживать оба нарративных потока. Это превосходство носит структурный, а не аксиологический характер.

Критический перелом происходит в главе 5 блога Аси (Байжарасова, 2025, с. 143–160). Ася подробно пересказывает историю Фатимы, золотых коронок и утраты – ту самую, которую Индира ранее излагала от первого лица. В этот момент читатель опережает обоих нарраторов: он понимает, что Ася транслирует воспоминания Индиры как свои собственные.

Финальное разоблачение (Байжарасова, 2025, с. 290) происходит в двух регистрах. В нарративе Индиры восклицает: *Господи, это была никакая не Ася. Это была я!* В предметном регистре сразу после этого возвращаются амулет и браслет. Читатель вновь опережает героиню: он уже знал правду через объекты задолго до её осознания.

Такая архитектура порождает эффект двойного анагнориса (в классическом понимании Аристотеля и нарратологической традиции – момент узнавания, приводящий к переосмыслению предшествующих событий). Читатель переживает узнавание дважды: сначала своё собственное (собирая предметные улики в единую картину), затем – узнавание Индиры. Первый анагнорис осуществляется через вещи, второй – через самопознание героини. Временной разрыв между ними создаёт характерное напряжение финала: читатель знает то, чего ещё не знает нарратор, и ожидает момента её прозрения. Эта структура напрямую вытекает из того, что носителем привилегированного знания выступает предметный мир.

Сопоставление с прецедентами в прозе травмы позволяет точнее оценить особенности нарративного решения Байжарасовой.

В романе Гилман болезнь главной героини заявлена открыто с первых страниц, голоса различаются по языковому регистру, а читатель получает возможность реконструировать реальность по косвенным сигналам и жанровым маркерам. Флюдерник отмечает, что введение надёжного параллельного дискурса является одним из стандартных способов разрешения проблемы тотальной ненадёжности (Fludernik, 1999, p. 88–90).

В романе А. Форны “The Memory of Love”, согласно интерпретации Беккера и Синнотт-Армстронга (2024), истина раскрывается через коллаборативную нарративизацию: «Each person told a part of the same story. And in telling another's story, they told their own» [Каждый из них рассказал часть одной и той же истории. И, рассказывая историю другого, они рассказывали свою собственную. – Перевод наш. Г.О., Г.М., К.А.]. Источником достоверности здесь выступает совокупный нарратив сообщества.

В романе Байжарасовой оба этих ресурса отсутствуют. Нарраторы формально равноправны, внутренне убедительны и связны; нет внешнего нарратора и коллективного голоса. Единственный элемент, неподвластный диссоциации, – предметный мир (куртка, браслет, фотографии). Если в первом случае проблема решается через языковые маркеры, а во втором – через общинный нарратив, то Байжарасова передаёт функцию объективного свидетеля именно объектам. Вещи выполняют интегративную роль, аналогичную той, которую у Форны выполняет сообщество: они собирают разрозненные фрагменты в единое целое.

В более широком контексте реалистической прозы травмы роман Байжарасовой предлагает решение эпистемологического вакуума, возникающего при тотальной ненадёжности человеческих голосов. Предметный мир здесь выступает не фоном и не символом, а структурной инстанцией, сопоставимой по функции с объективным нарратором или коллективным голосом в других текстах. Объектно-ориентированная нарратология предоставляет язык для описания этого механизма: объекты выступают фактором структурирования читательского доступа к истине (Ryan & Tang, 2024).

Заключение

Роман К. Байжарасовой «В ожидании Кайроса» предлагает нарратологическое решение проблемы тотальной ненадёжности рассказчика, которое можно суммировать в трёх взаимосвязанных тезисах.

Первый тезис касается типологии ненадёжности. Существующие модели описывают ненадёжного нарратора как единую инстанцию (Booth, 1961; Nünning, 1999; Olson, 2003). Роман Байжарасовой предъявляет иную конфигурацию: два внутренне связанных нарратора, структурно лишённых доступа к реальности друг друга. Для описания этого случая вводится понятие клинически мотивированной ненадёжности.

Второй тезис посвящён фокализации через объект. В условиях тотальной ненадёжности предметный мир берёт на себя функции нарраторской инстанции. Вещи регистрируют информацию без интерпретации, принадлежат обоим потокам и накапливают значение диахронически.

Третий тезис раскрывает роль соматической памяти как поэтического принципа. Истина хранится в материи вещей и возвращается через тактильный контакт. Финал романа воспроизводит клиническую последовательность: **тактильный контакт → сенсорные образы → нарративная реконструкция**.

Вместе эти тезисы показывают, как роман трансформирует клинический феномен в формальный приём, а предметный мир – в эпистемологическую инстанцию.

Перспективы дальнейших исследований связаны с двумя направлениями: сравнительным анализом других текстов и уточнением понятия клинически мотивированной ненадёжности. Предложенный в статье анализ может служить отправной точкой для дальнейших подобных исследований.

Список использованной литературы

- Байжарасова К. *В ожидании Кайроса*: роман. Астана: Фолиант, 2025. 312 с.
- Becker, M. & Sinnott-Armstrong, C.C. (2024). Parallel narratives: Trauma, relationality, and dissociation in psychoanalysis and realist fiction. *Humanities*, 13(3), 69. <https://doi.org/10.3390/h13030069>
- Bennett, J. (2010). *Vibrant matter: A political ecology of things*. Duke University Press.
- Booth, W. C. (1961). *The rhetoric of fiction*. University of Chicago Press.
- Brown, B. (2001). Thing theory. *Critical Inquiry*, 28(1), 1–22.
- Bruhns, A. & Köppe, T. (2024). Internal focalization and seeing through a character's eyes. *Estetika: The European Journal of Aesthetics*, 61(2). <https://doi.org/10.33134/eeja.364>
- Caracciolo, M. (2022). *Slow narrative and nonhuman materialities*. University of Nebraska Press.
- Fludernik, M. (1999). Defining (in)sanity: The narrator of *The Yellow Wallpaper* and the question of unreliability. In W. Grünzweig & A. Solbach (Eds.), *Grenzüberschreitungen: Narratologie im Kontext*. Narr, 75–95.
- Genette, G. (1980). *Narrative discourse: An essay in method*. Cornell University Press.
- Herman, D. (2013). *Storytelling and the sciences of mind*. MIT Press.
- Liu, X. (2014). Theory of Mind and the unreliable narrator. *US-China Foreign Language*, 12(5), 422–428.
- Loewenstein, R. J. (2022). Dissociation debates: Everything you know is wrong. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 24(1), 1–10. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2022.24.1/rloewenstein>
- Nünning, A. (1997). But why will you say that I am mad? On the theory, history, and signals of unreliable narration in British fiction. *Arbeiten zu Anglistik und Amerikanistik*, 22, 83–105.

- Nünning, A. (1999). Reconceptualizing unreliable narration: Synthesizing cognitive and rhetorical approaches. In J. Phelan & P.J. Rabinowitz (Eds), *A companion to narrative theory*. Blackwell, 89–107.
- Olson, G. (2003). Reconsidering unreliability: Fallible and untrustworthy narrators. *Narrative*, 11(1), 93–109.
- Phelan, J. (2005). *Living to tell about it: A rhetoric and ethics of character narration*. Cornell University Press.
- Ryan, M.-L. & Tang, W. (2024). *Object-oriented narratology*. University of Nebraska Press.
- Tereszewski, M. (2024). 'A random assembly of geometric forms': Thing theory in J.G. Ballard's and Ray Bradbury's short stories. *Orbis Litterarum*, 79(5), 423–431. <https://doi.org/10.1111/oli.12440>
- Van der Kolk, B. (2014). *The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma*. Viking.

References

- Baizharasova, K. (2025). V ozhidanii Kairosa [In anticipation of Kairos]. Astana: Foliant. (in Russ.).
- Becker, M. & Sinnott-Armstrong, C.C. (2024). Parallel narratives: Trauma, relationality, and dissociation in psychoanalysis and realist fiction. *Humanities*, 13(3), 69. <https://doi.org/10.3390/h13030069>
- Bennett, J. (2010). *Vibrant matter: A political ecology of things*. Duke University Press.
- Booth, W.C. (1961). *The rhetoric of fiction*. University of Chicago Press.
- Brown, B. (2001). Thing theory. *Critical Inquiry*, 28(1), 1–22.
- Bruhns, A. & Köppe, T. (2024). Internal focalization and seeing through a character's eyes. *Estetika: The European Journal of Aesthetics*, 61(2). <https://doi.org/10.33134/eeja.364>
- Caracciolo, M. (2022). *Slow narrative and nonhuman materialities*. University of Nebraska Press.
- Fludernik, M. (1999). Defining (in)sanity: The narrator of The Yellow Wallpaper and the question of unreliability. In W. Grünzweig & A. Solbach (Eds.), *Grenzüberschreitungen: Narratologie im Kontext*. Narr, 75–95.
- Genette, G. (1980). *Narrative discourse: An essay in method*. Cornell University Press.
- Herman, D. (2013). *Storytelling and the sciences of mind*. MIT Press.
- Liu, X. (2014). Theory of Mind and the unreliable narrator. *US-China Foreign Language*, 12(5), 422–428.

- Loewenstein, R.J. (2022). Dissociation debates: Everything you know is wrong. *Dialogues in Clinical Neuroscience*, 24(1), 1–10. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2022.24.1/rloewenstein>
- Nünning, A. (1997). But why will you say that I am mad? On the theory, history, and signals of unreliable narration in British fiction. *Arbeiten zu Anglistik und Amerikanistik*, 22, 83–105.
- Nünning, A. (1999). Reconceptualizing unreliable narration: Synthesizing cognitive and rhetorical approaches. In J. Phelan & P. J. Rabinowitz (Eds), *A companion to narrative theory*. Blackwell, 89–107.
- Olson, G. (2003). Reconsidering unreliability: Fallible and untrustworthy narrators. *Narrative*, 11(1), 93–109.
- Phelan, J. (2005). *Living to tell about it: A rhetoric and ethics of character narration*. Cornell University Press.
- Ryan, M.-L. & Tang, W. (2024). *Object-oriented narratology*. University of Nebraska Press.
- Tereszewski, M. (2024). 'A random assembly of geometric forms': Thing theory in J.G. Ballard's and Ray Bradbury's short stories. *Orbis Litterarum*, 79(5), 423–431. <https://doi.org/10.1111/oli.12440>
- Van der Kolk, B. (2014). *The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma*. Viking.

Ғ.А. Орынханова, Г.Қ. Манапова

Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті

Алматы, Қазақстан

К.А. Ашинова

Астана халықаралық университеті

Астана, Қазақстан

**ЗАТ НАРРАТОР РЕТІНДЕ: К. БАЙЖАРАСОВАНЫҢ
«КАЙРОСТЫ КҮТУ» РОМАНЫНДАҒЫ ЭПИСТЕМОЛОГИЯЛЫҚ
ИНСТАНЦИЯ РӨЛІНДЕГІ ЗАТТЫҚ ӘЛЕМ**

Аңдатпа. Кемен Байжарасованың «Кайросты күткенде» романы нарративтік құрылымның ерекше үлгісін танытады. Бұл шығармада баяндаушының сенімсіздігі моральдық немесе танымдық шектеулерден емес, бас кейіпкер санасының клиникалық тұрғыдан жіктелуінен туындайды. Кейіпкердің диссоциативті фуга күйі психиатр-дәрігер Индираның күнделігі мен @Asya_Tesey субтұлғасының блогы сияқты екі дербес нарративтік арнаны қалыптастырады. Алайда олардың әрқайсысы шындықтың тек бір бөлігін ғана қамти алады. Соған қарамастан екі дауыс ішкі қисындылығын сақтап, оқырманға нанымды көрінеді. Екі адамдық баяндаушының толықтай сенімсіздігі жағдайында эпистемологиялық тұрғыдан сенімді жалғыз куәгер қызметін заттық әлем атқарады. Зерттеуде қолданыстағы риторикалық және когнитивтік жіктемелер аясында қамтылмайтын жаңа құбылыс – клиникалық тұрғыдан уәжделген сенімсіздік ұғымы ұсынылады. Сонымен қатар объект арқылы фокализациялау тұжырымдамасы енгізіледі. Бұл – заттың оқиғаларды енжар болса да, ерекше мәртебеге ие тіркеуші ретінде көрінетін айрықша нарративтік режимі. Дәстүрлі фокализациядан айырмашылығы, мұнда объект қабылдамайды да, түсіндірмейді де, керісінше екі нарративтік арнаға бірдей тиесілі материалдық іздерді механикалық түрде тіркеп, олардың мағынасын уақыт өте келе жинақтап отырады. Романдағы негізгі заттық образдарды талдау заттардың бір-бірінен ажырап кеткен шындықтарды өзара байланыстырып, үйлестіру қызметін атқаратынын және баяндаушылар қол жеткізе алмайтын ақиқаттың сақтаушысына айналатынын көрсетеді. Соматикалық жадының клиникалық логикасы роман поэтикасының өзегін құрайды: амнезияның бұзылуы оқиғаны сөз арқылы қайта жаңғырту нәтижесінде емес, затпен тікелей жанасу арқылы жүзеге асады. Осылайша роман диссоциацияны баяндаудың құрылымдық қағидасына айналдырып, материалдық әлемді адам дауысына балама нарратологиялық инстанция ретінде көрсетеді. Бұл тәсіл баяндаушысы

жүйелі түрде сенімсіз болып келетін мәтіндерді зерттеуде нарратология мен травма зерттеу бағыттарының теориялық мүмкіндіктерін кеңейтеді.

Түйінді сөздер: сенімсіз баяндаушы; клиникалық тұрғыдан уәжделген сенімсіздік; объект арқылы фокализациялау; диссоциативті фуга; травма әдебиеті

G. Orynkhanova, G. Manapova

Kazakh National Women's Teacher Training University

Almaty, Kazakhstan

K. Ashinova

Astana International University

Astana, Kazakhstan

THE THING AS NARRATOR: THE MATERIAL WORLD AS AN EPISTEMIC AUTHORITY IN K. BAIZHARASOVA'S NOVEL "WAITING FOR KAIROS"

Abstract. Kemen Baizharasova's novel *Waiting for Kairos* represents a distinctive case of narrative architecture in which narrator unreliability is caused not by moral or cognitive limitations but by the clinical dissociation of the protagonist's consciousness. Dissociative fugue generates two autonomous narrative streams – the diary of Indira, a psychiatrist, and the blog of the subpersonality @Asya_Tesey – each with only partial access to reality, yet both voices remain internally coherent and convincing. Under conditions of total unreliability on the part of both human narrators, the material world serves as the sole epistemically reliable witness. The study introduces the concept of clinically motivated unreliability as a new type of unreliability not accounted for by existing rhetorical and cognitive classifications. The concept of focalization through the object is proposed as a distinctive narrative mode in which the thing serves as a passive yet privileged recorder of events. Unlike traditional focalization, the object neither perceives nor interprets but mechanically records material traces that belong simultaneously to both narrative streams and accumulate meaning diachronically. Analysis of key material images shows how objects synchronize fragmented realities and become carriers of truth inaccessible to the narrators. The clinical logic of somatic memory shapes the poetics of the novel: the amnesic barrier is breached through tactile contact with an object rather than through verbal reconstruction of the event. Thus, the novel transforms dissociation into a structural principle of narration and the material world into a source of narrative authority that provides an alternative to the human voice, thereby expanding the analytical toolkit of narratology and trauma studies for examining texts characterized

by systemic narrator unreliability.

Keywords: unreliable narrator; clinically motivated unreliability; focalization through the object; dissociative fugue; trauma fiction.

Вклад авторов

Орынханова Г.А. – концептуализация, формальный анализ, методология, письмо.

Манапова Г.К. – обзор и редактирование, курирование данных, рецензирование.

Ашинова К.А. – программное обеспечение, письмо – первоначальный проект.